

Шаховской и Катенин, несмотря на отделяющую их от Фонвизина эпоху Французской революции и наполеоновских войн, не вооружены еще каким-либо определенным историческим мерилом людей и нравов. Они в этом отношении еще родные дети века Просвещения; их мерка нравственности абстрактна, а сопоставления механистичны.

Фонвизин в «Недоросле» как будто бы противопоставляет две эпохи: современность (1770-е годы) и Петровское время. Однако, если современность у него в своей художественной данности конкретна и определена, то Петровская эпоха, о которой из всех действующих лиц вспоминает только Стародум, немногим отличается от «Петровской эпохи» в одах Ломоносова, где последняя является заместителем того идеального царства разумности и справедливости, во имя которого поэт критикует современность.

Прошлое, давнее, минувшее, именно в силу того, что оно уже прошло, может быть представлено в виде идеала общественного уклада. Его (прошлого) существование как бы подтверждалось исторически и, следовательно, делало возможным его воскрешение или возобновление в будущем. И тем не менее, как в большинстве просветительских концепций, идеал был обращен назад, хотя устремлены его создатели к будущему. «Историзма», в сущности, при отношении к истории как к маятникообразному колебанию между прогрессом и реакцией, деспотизмом и свободой, невежеством и просвещением — и не было в просветительских концепциях, в философии истории Ломоносова, Фонвизина или Вольтера.

Драма автора веселого «Недоросля» заключалась в том, что своих положительных героев Фонвизин не мог связать с исторической почвой, не мог художественно мотивировать, почему они такие «хорошие», откуда эта «хорошесть» возникает, какие у нее жизненные связи и корни.

Между Милоном и Софьей, с одной стороны, и Простаковой и Митрофаном — с другой, нет никаких переходных, промежуточных фигур, в которых бы совмещались какие-то черты этих человеческих и общественных типов, тогда как в «Горе от ума» можно поставить между Чацким и Репетиловым Горича, между Репетиловым и Загорецким — Молчалина, между Натальей Дмитриевной и многочисленными княжнами — Софью. Грибоедов при всей общественной и индивидуальной определенности своих персонажей не отделяет их друг от друга непреходимой психологической стеной; они все живут в одной жизненной, общественной среде, в ней страдают, в ней радуются, в ней борются. У Фонвизина в «Недоросле» персонажи каждого лагеря живут в своем особом мире, несут с собой свою атмосферу; их соприкосновение случайно и должно кончиться победой людей чести и добродетели над порочными и свиноподобными Простаковыми. Самое понятие социальной среды у Фонвизина подменено механическим конгломератом отдельных индивидов — помещиков, чиновников, дворовых. Сове-